

Круковский Михаил Антонович

Зяблик

Рассказ для детей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Антонович К.**
Зяблик: Рассказ для детей / Круковский Михаил Антонович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 74 с.

ISBN 978-5-519-91290-7

ISBN 978-5-519-91290-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сказка была сдѣлана не мной, а самимъ учителемъ. Это было на урокѣ географіи, и Зяблика спросили, какой главный городъ Испаніи. Зябликъ стоялъ, молчалъ, напрягалъ память, хмурилъ свои жидкія брови и краснѣлъ. Названіе города совсѣмъ выскочило изъ его головы. А учитель между тѣмъ допытывался и наконецъ рѣшилъ ему помочь.

— Ну, какой главный городъ Испаніи?..—говорилъ онъ;—ну: Ма...

Зябликъ продолжалъ молчать.

— Ну, Мад... — прибавилъ еще одну букву учитель.

— Мадагаскаръ!—торжественно выпалилъ вдругъ Зябликъ съ сіяющимъ лицомъ.

Весь классъ разразился гомерическимъ хохотомъ. Даже учитель отъ души разсмѣялся и чтобы скрыть свой смѣхъ, низко наклонился къ столу.

Но мнѣ почему-то не хотѣлось смѣяться, мнѣ было больно за Зяблика, который стоялъ со слезами на глазахъ, съ сильной испариной на лбу. Онъ былъ совершенно уничтоженъ.

— Мадридъ, а не Мадагаскаръ,—поправилъ учитель, усмиривъ классъ, и больше не сталъ спрашивать и безъ того измученнаго Зяблика.

Предметомъ общаго смѣха Зяблику часто приходилось быть, и въ особенности доставалось ему на математикѣ, которая давалась ему крайне туго. Однажды, вызванный къ доскѣ, онъ написалъ такое рѣшеніе задачи, что учитель долго стоялъ въ глубокомысленномъ созерцаніи написанныхъ Зябликомъ цифръ и наконецъ спросилъ, что онѣ обозначаютъ. Не могли понять этихъ цифръ и мы, потому что на доскѣ былъ написанъ полнѣйшій абсурдъ и, глядя на нѣмую сцену у доски, гдѣ учитель глубокомысленно вдумывался въ кабалистическій смыслъ цифръ и формулъ Зяблика, весь классъ разразился неудержимымъ смѣхомъ.

Бѣдный Зябликъ! Доставалось ему отъ товарищей вдоволь, и притомъ нерѣдко; но по правдѣ сказать, смѣялись надъ нимъ только въ такія минуты неудержимаго смѣха во время урока, когда школьники въ особенности громко любятъ посмѣяться, въ обыкновенное же время никто надъ нимъ не смѣялся, наоборотъ, всякъ, зная стыдливость и чувствительность Зяблика, старался въ своемъ дружелюбіи къ нему не выказать ему насмѣшки. И только изрѣдка какой-нибудь сорви-голова бросалъ Зяблику насмѣшку, кидавшую его въ жаръ:

— Эй ты, Мадагаскаръ!.. То, бишь, Мадридъ!..

Но если математика и другіе предметы не давались Зяблику, зато онъ былъ первымъ, единственнымъ во всей гимназіи ученикомъ по рисованію. Онъ замѣчательно хорошо рисовалъ и этимъ искупалъ всѣ свои неудачи; рисовалъ вездѣ, гдѣ только могъ: въ тетрадяхъ, на книгахъ, на партѣ, на доскѣ, рисовалъ запоемъ, ничего не видя, не слыша. И когда послѣ неудачнаго отвѣта онъ весь красный садился на мѣсто, его рука машинально, нервно двигала карандашъ, и въ этой работѣ проходило его волненіе. А изъ подъ карандаша его въ такія минуты выходили иногда удивительные рисунки.

Эта любовь къ рисованію и сблизила насъ, потому что и я любилъ рисовать вездѣ и всегда, хотя далеко мнѣ было въ этомъ до Зяблика. И когда я однажды показалъ рисунки его своей матери, она просто удивилась и пришла въ восхищеніе. Тутъ былъ и мой портретъ, очень удачно схваченный, когда я сижу за партой и пишу, наклонивъ голову на бокъ и по обыкновенію закусивъ языкъ въ сторону, противоположную наклонъ головы; было нѣсколько портретовъ учителей и типичныхъ учениковъ, была картинка маленькаго, старенькаго домика, въ которомъ, какъ говорилъ Зябликъ, онъ жилъ; домикъ стоялъ у рѣшетчатаго забора, надъ которымъ подымались

изъ-за него верхушки акацій, а въ тѣнистомъ углу между домикомъ и заборомъ сидѣлъ старичекъ съ симпатичнымъ, добрымъ лицомъ—отецъ Зяблика—и курилъ коротенькую трубку. И всѣ рисунки были интересны, сдѣланы были очень смѣло, бойко и раз-машисто.

— Удивительно, что такой способный мальчикъ, и такъ плохо учится!—сказала мать.

Но несмотря на крайне неудачные отвѣты Зяблика и на частый смѣхъ, вызываемый имъ, никто изъ насъ почему-то никогда не считалъ его неспособнымъ, а я тѣмъ болѣе. Рисованіе его доказывало, что онъ очень способный мальчикъ, и этого было достаточно; а почему онъ плохо учится, этого мы никакъ не могли понять, да и не старались понять. „Такой ужъ есть“, рѣшили всѣ и на этомъ навсегда успокоились, не требуя отъ Зяблика особенныхъ успѣховъ. А между тѣмъ, была причина, почему Зябликъ плохо учился, и эту причину я разгадалъ далеко не сразу, потому что Зябликъ тщательно скрывалъ ее и никогда не обнаруживалъ. Причиной этой была бѣдность.

Когда я во время переменъ, сидя за партой, съ жадностью поглощалъ свой завтракъ, предусмотрительно положенный въ мою сумку заботливой рукой матери, Зябликъ сидѣлъ рядомъ и усиленно рисовалъ, словно ему и не хотѣлось завтракать. Онъ почти никогда не завтракалъ, и лишь иногда доставалъ что-то изъ кармана кусочками и ѣлъ украдкой, зажавъ губы, чтобы не видно было, что онъ ѣстъ. Но это случалось такъ рѣдко! Къ общему звуку аппетитнаго, сочнаго чавканья челюсти Зяблика не присоединялись, были крѣпко сжаты, а карандашъ быстро бѣгалъ по бумагѣ и зарисовывалъ наши сытые, довольныя физиономіи.

— Зябликъ, отчего ты никогда не завтракаешь?—спросилъ я его однажды.

— Такъ!.. не хочу!—коротко отвѣтилъ онъ.

Для меня было совсѣмъ непонятно, какъ можно не завтракать во время перемѣны, и я своему пріятелю не повѣрилъ. Но когда однажды онъ, украдкой доставая изъ кармана кусочки чего то, жадно глоталъ ихъ, продолжая рисовать, я нечаянно замѣтилъ, что эти кусочки были не что иное, какъ хлѣбъ. Черный, черствый хлѣбъ. Тогда я понялъ, почему Зябликъ не завтракалъ, какъ всѣ: онъ не завтракалъ потому, что у него не было завтрака, и это онъ отъ всѣхъ скрывалъ.

— Зябликъ, не хочешь ли кусочекъ мяса?—предложилъ я ему частицу своего завтрака.

— Не хочу!—отвѣтилъ онъ.—У тебя у самого мало.

— Мнѣ довольно... Я сытъ... Возьми!—убѣждалъ я его.

— Не возьму!.. Спасибо!—наотрѣзъ отказался онъ и углубился въ рисунокъ.

Но на другой день я, уходя изъ дому, нарочно положилъ украдкой кусокъ вкуснѣйшаго въ мірѣ пирога и рѣшилъ во чтобы то ни стало сломить упрямаго Зяблика и угостить его завтракомъ. И когда наступила перемѣна, я раскрылъ свою сумку и вынулъ изъ нея два громадныхъ ломтя пирога.

— Ну, Зябликъ, мнѣ, братъ, сегодня столько положили въ ранецъ, что и четверымъ не съѣсть!.. Давай, братъ, подѣлимся.

Зябликъ посмотрѣлъ въ сторону вкуснаго, румянаго пирога и промолчалъ.

— На, вотъ этотъ тебѣ, а этотъ мнѣ...—говорилъ я простодушно-убѣдительнымъ голосомъ, боясь разбудить подозрительность и чувствительность Зяблика.

— Ты, вѣдь и самъ съѣшь... — нерѣшительно сказалъ онъ.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ!—увѣрялъ я его.—Возьми, братъ, помощи: одному не съѣсть... Зачѣмъ добру пропадать.

И я положилъ пирогъ въ его парту.

Зябликъ началъ бормотать что то неясное, словно не хотѣлъ оставить мое предложеніе безъ протеста и не трогалъ пирога, какъ будто и не хотѣлъ его. Я же, зная, что упрашиванья только конфузятъ его, рѣшилъ дать ему время успокоиться и съ аппетитомъ съѣлъ весь свой кусокъ.

— Охъ, сытно!—сказалъ я, и вышелъ изъ класса, желая не мѣшать Зяблику завтракать.

Мой расчетъ былъ вѣренъ. Когда я спустя полчаса вернулся въ классъ, пирога у Зяблика какъ не бывало: онъ съѣлъ его потихоньку, хоронясь отъ чужихъ глазъ, и уже снова что-то рисовалъ.

Съ тѣхъ поръ я всегда приносилъ въ ранцѣ завтракъ на двоихъ, хотя на первыхъ порахъ удивлялъ свою мать своимъ прожорствомъ.

— Куда ты столько накладываешь!—говорила она, глядя, какъ я прибавлялъ къ положенному ею куску еще нѣсколько кусковъ. — Неужели ты все это съѣшь?

— Съѣмъ, съѣмъ, мамочка!.. Въ классѣ такъ хочется ѣсть!..—солгалъ я, увѣренный, что въ этой лжи нѣтъ ничего дурного.

И съ тѣхъ поръ мать укладывала мнѣ въ ранецъ всегда двойную порцію.

А съ Зябликомъ мы ладили по дружески.

— Мнѣ мать больно много кладетъ ѣды,—говорилъ я,—мнѣ одному не съѣсть, а если принесу домой, она будетъ браниться!.. Такъ ты ужъ помогай мнѣ, ради Бога...

И Зябликъ усердно и добросовѣстно помогалъ.

Только однажды онъ любопытствовалъ узнать, зачѣмъ я такъ много ношу каждый день ѣды. Я свалилъ вину на мать, которая заботится, чтобы я не былъ голоденъ и накладываетъ мнѣ цѣлую гору ѣды, но Зяблику такая расточительность матери была очевидно мало понятна.

— Зачѣмъ она столько лишняго даетъ тебѣ?— говорилъ онъ.— Должно быть вы очень богаты?

— Нѣтъ, не очень. Отецъ присылаетъ деньги.

— А кто твой отецъ?

— Онъ докторъ. Онъ далеко служить въ Сибири; оттуда и присылаетъ. А мы здѣсь живемъ, я, мать и сестренка.

— А гдѣ вы живете?

— Знаешь, гдѣ рѣка дѣлаетъ загибъ... На томъ берегу по косогору есть садъ, а на самомъ верху стоитъ домъ...

— Такой фіолетовый!..—подхватилъ Зябликъ.— Тамъ еще съ горы спускается наискось внизъ такая лѣсенка съ деревянными перилами, а внизу у рѣки около ракушекъ стоитъ банька?..

— Да, да!—подтвердилъ я.

— Вотъ, гдѣ вы живете!—задумчиво сказалъ Зябликъ.— Красиво у васъ тамъ.

— Это нашъ домъ,—съ гордостью похвастался я, такъ какъ считалъ наше мѣсто самымъ красивымъ въ городѣ.

— Вашъ собственный?—спросилъ Зябликъ.

— Будетъ скоро нашъ,—отвѣтилъ я, запинаясь,— а пока что не совсѣмъ нашъ. Мы каждый годъ выплачиваемъ за него и скоро совсѣмъ выплатимъ. Тогда онъ будетъ совсѣмъ нашъ...

Зябликъ задумался.—Хорошо вамъ жить тамъ,—сказалъ онъ, наконецъ.

— А у васъ есть свой домъ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ. Мы съ отцомъ снимаемъ квартиру на самомъ краю города, самую послѣднюю...

— А развѣ у тебя матери нѣтъ?

— Нѣтъ, только отецъ?

— А кто твой отецъ?

— Мой отецъ садовникъ,—словно нехотя отвѣтилъ Зябликъ.

— А гдѣ онъ работаетъ?—спросилъ я.

— Онъ теперь безъ мѣста,—отвѣтилъ Зябликъ и быстро схватился за карандашъ и тетрадку, что онъ дѣлалъ всегда, когда хотѣлъ уклониться отъ непріятнаго разговора.

Съ этой минуты я многое понялъ. „Такъ вотъ почему Зябликъ не завтракаетъ—думалось мнѣ—вотъ почему у него нѣтъ учебниковъ, вотъ почему плохо учится!..“ И мнѣ стало жаль моего пріятеля, я почувствовалъ, что онъ мнѣ дорогъ и что люблю его. Но помочь ему я, кромѣ завтраковъ и учебниковъ, ничѣмъ не могъ.

— Приходи ко мнѣ когда нибудь,—предложилъ я ему чрезъ нѣсколько минутъ.—Скоро стаетъ снѣгъ, спустимся внизъ по лѣсенкѣ къ рѣкѣ, будемъ рисовать...

— Ладно, приду,—согласился Зябликъ.

Меня же онъ къ себѣ не пригласилъ.

Но несмотря на это мнѣ все-таки пришлось побывать у Зяблика на дому, притомъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

Однажды я тщетно ожидалъ его утромъ въ классѣ, тщетно посматривалъ во время урока на дверь, не войдетъ ли запоздавшій Зябликъ, онъ не появлялся.

— Отчего нѣтъ Чижова?—спросилъ учитель.

Никто не зналъ.

Въ этотъ день отъ такъ и не пришелъ.

Прошло еще нѣсколько дней,—Зябликъ не появлялся. Въ гимназіи никто не зналъ, что съ нимъ, куда дѣвался, отчего не ходитъ, а мнѣ было скучно одному безъ моего пріятеля. Ежедневно я приносилъ на его долю завтракъ, большую половину котораго уносилъ обратно и бросалъ на улицѣ первой встрѣчной собакѣ: я все еще надѣялся, что Зябликъ придетъ и ради этого не хотѣлъ уменьшать порцію завтрака, которую мать привыкла отпускать. Иначе выдалъ бы себя. Но когда я подумалъ, что Зябликъ совсѣмъ не придетъ въ гимназію, то мнѣ стало такъ скучно и больно, что я рѣшилъ его навѣстить.

— Можетъ быть боленъ...—подумалъ я, и началъ проситься у матери, чтобы отпустила меня къ Зяблику прямо съ урока.

— Цѣлую недѣлю не былъ...—Мнѣ скучно... рисовать безъ него не могу. Завтра воскресенье, уроки успѣю выучить, отпусти, мамочка!

Послѣ долгихъ колебаній мать отпустила, но положила мнѣ въ ранецъ, чтобы я не проголодался, чуть-ли не цѣлый обѣдъ. И вотъ едва кончились уроки, я опрометью побѣжалъ на край города, туда, гдѣ жилъ по его рассказамъ Зябликъ. Я шелъ долго, и удивлялся Зяблику, который ежедневно дѣлалъ такой громадный путь въ гимназію и обратно. Маленькіе сѣрые домики, приземистые, иногда покосившіеся, уютно лѣпились около дороги, встрѣчныхъ было мало. Тутъ было тихо и пустынно, и мнѣ очень понравилось. Но вотъ длинный рядъ домиковъ-карповъ началъ рѣдѣть, впереди показался конецъ улицы, а дальше шло снѣжное поле, кончавшееся чернѣвшимъ лѣсомъ. Всмотрѣвшись пристально въ послѣднюю избушку, я сразу призналъ въ ней ту, которая была нарисована Зябликомъ въ одной изъ его тетрадокъ. Я смѣло вошелъ чрезъ калитку въ маленькій, чистенькій дворикъ, потомъ въ такія же чистыя, опрятныя сѣни и открылъ входную дверь. Я увидѣлъ за столомъ у оконъ двѣ фигуры: на одномъ концѣ сидѣлъ Зябликъ въ поношенной, синей рубахѣ и очевидно что то рисовалъ, на другомъ концѣ сидѣлъ за книгой старичекъ небольшого роста, съ привѣтливымъ, умнымъ лицомъ; въ немъ я сразу узналъ отца Зяблика по портрету, сдѣланному сыномъ.

Мое появленіе было настолько неожиданно, что оба, и отецъ и сынъ моментально вскочили изъ-за стола. Старикъ сталъ суетиться, а Зябликъ стоялъ, какъ пораженный громомъ и не шевелился. На мое привѣтствіе старикъ вѣжливо, по старомодному расшаркался.

— Это должно быть къ тебѣ, Саша,—сказалъ онъ, обращаясь къ сыну.

— Да, да... — заминаясь, отвѣтилъ Зябликъ и направился ко мнѣ.

Отецъ и сынъ моментально вскочили.

Тутъ я замѣтилъ, что у него на ногахъ одѣты громаднѣйшія отцовскія туфли, въ которыхъ онъ выступалъ наподобіе журавля.

— Я соскучился безъ Зябл... безъ него! — во время поправился я, обращаясь къ отцу, — и зашелъ узнать, отчего онъ не ходитъ.

— Ахъ, такъ это должно быть вы!.. Товарищъ моего Саши, о которомъ онъ мнѣ такъ много говорилъ! — отвѣтилъ старикъ. — Ахъ, благодарю васъ, благодарю, что не покидаете моего Сашу и помогаете ему...

— Ты боленъ, что ли? — спрашивалъ я Зяблика. Онъ молчалъ.

— Нѣтъ, онъ не боленъ, — торопливо говорилъ старикъ. — Но видите ли, тутъ случилась одна неприятность...

— Папа!.. Зачѣмъ!.. — пробормоталъ Зябликъ.

— Ну, что тутъ худого, если твой товарищъ будетъ знать! Вѣдь непонятно никому, почему ты не ходишь, вотъ видишь, онъ и пришелъ узнать, — говорилъ отецъ не то сыну, не то мнѣ. — А только худого тутъ и стыднаго ничего нѣтъ... У насъ, знаете ли, вышла пустячная исторія съ сапожникомъ, дѣло самое домашнее: дали ему Сашины сапоги починить, а онъ не отдаетъ ихъ цѣлую недѣлю, требуетъ денегъ, а я тутъ какъ разъ безъ мѣста... вотъ и все. Какъ видите, ничего дурного, одни пустяки.

Старикъ говорилъ это такимъ простодушно-искреннимъ тономъ, голосъ его былъ такъ задушевно мягокъ, а лицо такъ мило улыбалось, что я невольно заразился его искренностью, подумалъ и въ самомъ дѣлѣ, какіе это пустяки, и въ отвѣтъ старику точно такъ же улыбался. Но вдругъ я сообразилъ, что не ходитъ въ гимназію изъ-за сапогъ, это вовсе не пустяки, прогналъ съ лица навѣянную улыбку и напустился на Зяблика.

— Ты что жъ это не сказалъ, а? Развѣ можно изъ-за этого не ходить въ гимназію, а? Эхъ ты, сви... — едва не выбранилъ я его въ присутствіи отца, но во время сдержался.

Зябликъ молчалъ и въ смущеніи смотрѣлъ куда-то вдаль,